

ВВЕДЕНИЕ
В ФИЛОСОФИЮ
(1979)

ЛЕКЦИЯ 1

14 февраля

Я попытаюсь прочитать курс по истории философии так, чтобы это одновременно был бы и элементарный курс по философии. Здесь сложность в том, что я, естественно, не знаю ни степени ваших знаний, ни того, что именно вам уже преподавали по философии за годы обучения на факультете. Поэтому я не буду предполагать у вас заведомо никаких знаний.

Приступим к историко-философскому введению. Такое введение нельзя сделать без понимания самого факта философии, без понимания, что такое философия, зачем она и как это вообще случилось, что люди философствуют. В интуитивном смысле, то есть без каких-либо особых доказательств и объяснений, мы, в общем-то, знаем с несомненностью или узнаём с несомненностью философию тогда, когда она возникает, то есть мы даже не знаем, что такое философия, но узнаём, что вот это — философия. Хотя ответить на вопрос, что это такое, мы не можем.

Когда мы узнаём философию? В VI веке до н. э. одновременно в разных местах разными людьми (их имена известны) были выполнены акты, которые мы узнаём как философские, — повторяю, узнаём как философские. Слова Гераклита, Фалеса, Парменида, Анаксагора, Анаксимандра, Анаксимена, Платона (это я уже двигаюсь ближе к IV, V веку, но на-

чало в VI веке) мы узнаём как философию. Аналогичные акты, совершенные Буддой, мы тоже узнаём как философские, хотя это немножко сложно, потому что там примешивается отчасти и возникновение религии, называемой буддизмом. В Конфуции мы узнаём философа. Причем выполнение этих философских актов происходит в разных местах, не связанных друг с другом, и все они осуществляются на фоне предшествующих тысячелетий мифа. Таким образом, во-первых, мы узнаём философию, хотя не знаем, что такое философия; во-вторых, мы знаем, что философия появляется в Греции и на Востоке на фоне мифологической традиции и мифологической истории. Повторяю, выполняются некие самостоятельные акты мышления, в которых мы не чувствуем какой-либо ритуальной или священной окраски, то есть не можем их отнести к мифу и ритуалу, а относим их сразу же к автономной мысли или теоретической мысли и называем эту мысль философией, или мудростью.

С феноменом мудрости, или философии, всегда связан индивид, или личность, или имя. Мы говорим «Сократ», а когда мы говорим о тех знаниях, которые заложены в мифе, мы имен не применяем: мы предполагаем, что миф — это некие знания, некие организованные способы поведения человека — не практические, а духовные, — но не связываем имен с мифологическими образами, с мифическими существами: мы ведь не говорим, кто их выдумал, кто их помыслил, кто впервые так стал рассуждать. Миф — это упакованная в образах, метафорах многотысячелетняя коллективная и неименная традиция. Таким образом, на уровне интуиции мы не только узнаём акт философствования как некий акт автономной, не

ритуальной мысли, но и узнаём его еще и потому, что с мыслью всегда связано имя, — философия в отличие от мифа индивидуально датируема.

Пойдем дальше. Пока мы не знаем характера мысли; мы знаем одно — что употребляем слово «мудрость» в случае философствования, имея в виду феномен самостоятельной мудрости, имеющей имя, мудрости, которая не вырастает из традиции, хотя сама может породить традицию. Возникнув, философия тоже порождает традицию, а именно философскую традицию, и может даже оформляться в виде неких форм социального существования философа, то есть, например, так называемых школ. Скажем, был Сократ и его ученики, Платон и платоновская академия, Аристотель и лицей, Будда и буддийская община. Передача знания совершается от учителя к ученику, от ученика к другим ученикам и так далее¹. Следовательно, возникают социальные формы, внутри которых в качестве традиции устанавливается не миф, не ритуал, а философия, то есть определенный тип размышления, определенный тип текста, передаваемого другим, комментируемого другими и составляющего их призвание и занятие.

Но пока перед нами (тем более что мы не знаем, что такое философия) просто тексты, которые утверждают нечто о мире. Фалес говорит, что мир — из воды, для Гераклита первообразователем мира и «веществом» (в кавычках), из которого состоит мир, является огонь, и так далее, то есть существуют и другие, разнообразные абстрактные принципы, посредством которых мы понимаем мир. Чтобы пояснить

---

¹ Но это уже первое затруднение для нашего интуитивного узнавания философии: философии нельзя учить, и, следовательно, не может быть традиции.

дальше, что произошло, как появилась философская мысль, я зацеплюсь за слово «понимание».

Вот я сказал: понимание мира посредством изобретения и формулировки принципов — вода, огонь, атом, число (число у пифагорейцев есть первичный принцип мира). Значит, что мы сказали, если говорим, что философия начинается с актов понимания мира? Разве этим мы сказали, что предшествующие образования сознания и культуры, называемые нами мифом, не есть способ понимания мира? Или, переворачивая вопрос, зададим его так (в такой, может быть, странной форме): каким должен предстать перед нами мир, чтобы о нем надо было философствовать? Немножко поясняя термин «философствование», я добавлю, что мы невольно, когда говорим о философии, или теории, или мысли, говорим о занятии, связанном с проблемами. Ну, например, проблема: каков мир? Уточняя свой уже заданный вопрос: каким должен быть мир, чтобы о нем надо было философствовать, то есть иметь проблему «каков мир?»?

Я хотел бы сказать следующее, и это поясняет многое в философии: сама идея о том, что может быть проблема мира или сам мир может быть проблемой, есть исторический акт, историческое событие в том смысле слова, что это не само собой разумеется, а именно не само собой разумеется, что мир вообще есть проблема. Чтобы нечто было проблемой, оно должно быть непонятным. Так ведь? Если есть слово «проблема», значит имплицитовано, что нечто непонятно. Иначе говоря, выступление чего-то в непонятном виде есть историческое событие, а не существование, которое бы само собой разумелось. Нам сейчас кажется, что само собой понят-

но, что вещи перед нами представляют для нас проблему. Уверяю вас, что это не всегда было так.

Миф, ритуал и так далее отличаются от философии и науки тем, что мир мифа и ритуала есть такой мир, в котором нет непонятого и нет проблем, а когда появляются проблемы и непонятое, тогда появляются философия и наука, — иными словами, философия и наука есть способ внесения в мир непонятого. До философии и науки мир понятен, потому что в мифе работают совершенно другие структуры сознания, а именно смысловые структуры сознания, когда в мире воображаются и представляются такие предметы, которые одновременно есть осмысленный и понятный мир, то есть в мифе мир освоен и сделан понятным, так чтобы любое событие, которое происходит в мире, уже могло быть вписано в тот сюжет и в те события и приключения мифических существ, о которых рассказано в мифе. Миф есть рассказ, в который человеком уместаются любые конкретные события; уместившиеся в мифический рассказ, они понятны и не представляют собой проблемы.

Мифические и религиозные фантазии человеком порождались не потому, что он был перед угрозой непонятных стихийных, больших, чем сам человек, сил, не из страха перед непонятной природой, — повторяю, не из страха невежественного человека, который не знал законов физики, перед природой. Наоборот, миф есть организация такого мира, в котором, что бы ни случилось, все понятно и имеет смысл. Сегодня вы скажете: да, смысл, но метафорический. Да, конечно метафорический, но это смысл, — смысл, который делает для меня предметы понятными и близкими, вписывает эти предметы в систему моей жизни, систему культуры. Более того, этот

предмет мне ритуально близок, потому что в ритуале я обращаюсь с незнакомыми, далекими, таинственными мифическими существами как с близкими и родными — настолько близкими и родными, что на их волю, на проявление их желаний можно подействовать актами ритуала, заклинаниями, актами магии. Магический мир, повторяю, как мифический мир есть мир освоенный, осмысленный, понятный, то есть события в этом мире, будь то землетрясения, грозы, войны, или мир, или что угодно, в воображении наблюдающего их человека осуществляются так, что они являются носителями смысла и должны быть человеком понимаемы. Если он понимает Зевса, то он понимает молнию. Зевс — это существо, человек тоже существо; одно существо понимает человекоподобное существо, а именно бога, и тогда все проявления неизвестных человеку сил в мире могут быть осмыслены путем приписывания их известному, доступному и понятному мифологическому образу.

Но есть одно отличие: мифологическое существо способно на то, на что не способен человек; следовательно, мифологические существа живут в некотором особом пространстве. Они соединяют в себе то, что в человеке не может быть соединено, — например, жизнь и смерть в человеке не могут быть соединены: когда есть жизнь, нет смерти, а когда есть смерть, нет жизни. В мифических существах они соединены. Мифические существа или бессмертны, или, умирая, воскресают, перевоплощаясь в другие существа (мифическая фантазия знает очень много перевоплощений). В мифе есть некоторые зооморфные и одновременно человекоморфные существа, которые соединяют в себе то, что в человеке не может быть соединено. Скажем, некоторые существа мифа

построены так, что являются носителями природных качеств, то есть обладают телом, мускулами, нервами, чувствительностью, данными нам природой, и в то же время обладают такими качествами, которых в природе нет, — сверхприродными качествами.

И вот почему-то эти существа играют такую роль в человеческой жизни, что они эту человеческую жизнь могут организовывать; почему-то посредством их человек придает своей жизни некий смысл, то есть делает эту жизнь — выразимся иначе — соизмеримой с самим собой. Ведь что такое понимание? Понимание есть в принципе нахождение меры между мной и тем, что я понимаю. Соизмеримость. Ведь если я сказал, что молния — это знак божественного гнева, то я выполнил операцию соизмеримости, то есть молния — это носитель смысла. А смысл, даже божественный, соразмерен моей способности понимания — я в этом смысле могу *участвовать*, то есть миф — это мир соучастия и, таким образом, понимания вещей, предметов, сил.

Почему же по отношению к человеку миф может выполнять такую роль, то есть роль придания смысла человеческому окружению, такую роль, что человек посредством мифа овладевает своими природными силами, определенным образом их канализирует? Этот пункт пока неясен, но, за него зацепившись, можно одновременно разъяснить и то, что предшествовало философии, и саму философию.

Я начну это разъяснение со следующего тезиса: философия может быть пояснена, то есть может быть пояснено, что она такое, одновременно с пояснением, что такое человек. (Я все время говорил о мифе, а сейчас вдруг начинаю говорить о философии, — не думайте, что я уйду от предмета. Связь эту я устанавливаю, как это обычно бывает при нор-

мальной юридической процедуре, когда, например, адвокат задает какой-то вопрос, смысл которого сейчас неясен, но ему нужно получить ответ, который он потом увяжет с тем, что он скажет, или с тем, что он спросит через десять минут.) Следовательно, я непонятное и неясное, а именно философию, буду пояснять другим столь же непонятным и неясным. Мы не знаем ни того ни другого — мы не знаем ни что такое философия, ни что такое человек, и я заранее скажу, что формального определения ни того ни другого дать нельзя. Но дело в том, что в каком-то движении мысли эти две непонятные вещи будут бросать друг на друга свет. И вот в разрезе этого сопоставления мы продвинемся и, может быть, нам откроется какая-то прогалинка, какая-то светлая поляна. Иными словами, я хочу сказать, что появление философии и само содержание философии как особого явления фундаментально и внутренне связано со спецификой феномена человека в природе.

В чем состоит эта связь, способная пояснить и миф, и связь философии с мифом в смысле появления философии на фоне мифа? Человек — это существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается средствами, не данными в самой природе. Это значит, что человек в том человеческом, что есть в нем, не есть природное существо, не есть существо, которое рождается природой. В этом смысле человек не произошел от обезьяны, он вообще не произошел ни из чего, что действует в природе в виде какого-то механизма, в том числе механизма эволюции. Человек четко выделен на фоне предметов, составляющих природу и космос, составляющих мир, то есть ясно, что то, что мы в человеке интуитивно называем человеческим, не может быть приписано

по своему происхождению никаким природным механизмом ни в мире, ни в биологии, ни в самом человеке. Я повторяю: человек есть существо, которое есть в той мере, в какой оно самосозидается.

Уже первым шагом мы здесь имеем разрыв, пропасть между культурой и природой. И мимоходом скажу, предваряя дальнейшее (к этому я еще вернусь, а сейчас просто делаю пометку по ходу движения): миф есть тщательно разработанная система нейтрализации оппозиции «культура—природа». Мифические существа — мифичны, то есть реально их нет, но это такие существа, которые делают для человека невозможное: в них нет оппозиции между культурой и природой, они и природны, и культурны, то есть сверхъестественны.

Возвращаюсь к тому, что я сказал с самого начала: человек не есть нечто, порождаемое природой, в том смысле, что в самой природе нет такого фундамента, который бы самодействовал и порождал своим самодействием в человеке человеческое, или, иными словами, человеку не на что положиться в природе вне его самого. Нет гарантий, нет фундамента в природе для человеческих состояний. В этом смысле человек есть существо, висящее в пустоте, случайное и не имеющее никаких оснований¹.

Вдумайтесь в свой опыт или в тот опыт, который зафиксирован в книгах, в историческом предании и так далее, то есть в том, что мы вообще знаем об истории и что нам завещано и передано. Скажем, от чего зависит такое человеческое состояние, как па-

---

¹ Как говорил Платон (в письмах), человек (*nativement*) не обеспечил свою сущность. (Здесь и далее угловыми скобками обозначены пропуски слов или места, где из-за плохого качества или неразборчивости текста архивных документов мы сомневаемся в точности воспроизведения слов. — *Примеч. ред.*)

мять, такое человеческое переживание, как любовь, привязанность к другим — отцу, матери, жене, возлюбленной? Мы состоим из праха, то есть материи. Что в данном случае является прахом, или материей? Прахом, или материей, является способность наших нервов раздражаться, оставаться в состоянии раздражения, удерживать некоторую интенсивность самих ощущений.

Ясно, что любовь или привязанность есть одновременно состояние нашей психики как природного аппарата. Наш природный аппарат, наша психика, живет по определенным природным законам, которые, например, гласят, что у наших чувств есть порог чувствительности, что наше возбуждение не может само по себе пребывать на одной и той же высоте, что оно неминуемо рассеивается. Ведь есть к тому же еще и законы энтропии, которые действуют и на нашу память. Все физические процессы — а психика есть физический процесс — во времени и движении вырождаются. Это, как ученые говорят, стохастические процессы с массовым разбросом [значений], и, если пройдет достаточное время, они все вырождаются, то есть из порядка переходят в хаос. Скажем, мы возбудились от чего-то, взволновались, и само это волнение может быть прекрасно, но мы не можем в нем пребывать в той мере, в какой это зависит от наших природных качеств. Если бы моя память о брате или сестре зависела от моей физической способности сохранять на определенном уровне саму эмоцию этого воспоминания, то по законам природы эта эмоция должна распаться (более того, я вообще не могу выйти за определенный порог чувствительности), а тем не менее я помню, я могу длительно сохранять привязанность (ну, не я, — я, может быть, этого не могу, но это уже другой вопрос).

Феномен памяти не держится на сохранении физических следов. И я повторяю, что по законам энтропии они рассеиваются или должны быть закодированы. У животного они закодированы в инстинкте, то есть работает природный механизм инстинкта, животному в этом смысле не нужно ничего решать. Скажем, половая жизнь животных отрегулирована за них; причем эти вещи отрегулированы в пользу животного, то есть вредное и полезное заложено в самом генетическом механизме жизни. У человека такого механизма нет: то, что он может знать в качестве мудрого и полезного, — это он должен узнать, а если он должен узнать, то, следовательно, может и не узнать. То есть человек — это такое биологическое существо, которое в принципе способно отклоняться от биологических законов, нарушать их и поступать себе во вред.

Тем самым я ведь фактически говорю, что проблема истины (и мы это дальше увидим) выступает только на фоне возможности не-истины. У животного нет возможности не-истины и поэтому нет проблемы истины, а у человека есть проблема истины потому, что он в качестве некоего особого живого существа способен к не-истине. Более того, он вынужден устанавливать факты, они ему не даны. Вы знаете, что мужчина отличается от женщины, но вы не вдумываетесь в то, что это значит. Слово «знаете» кажется чисто формальным, это просто слово, прилепленное к какому-то факту. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что животное действительно знает разницу между полами, — это есть в генетически заданном механизме инстинктов, а человек «знает» в том смысле, что он это устанавливает. Сам факт так называемых сексуальных отклонений, «извращений» (очень часто даже неизвестно, что называется

таким словом, но возьмем его) условен, не дан — он устанавливается. Он может быть и не установлен. Повторяю, факт сексуальной амбивалентности, или так называемых извращений, очень четко говорит об этом. Ребенок должен узнать различие полов — сложной психической работы — работы фантазмов, работы построения. Ребенок строит теории, в которых он поясняет себе разницу между пустотой и наполненностью (я имею в виду просто различие половых органов, простите меня за прозаизм), и только потом, через них, он устанавливает, что в этом действительно есть разница. Память человеку не дана, ее не было бы, если бы она зависела от ее собственного материала, то есть от природного материала, от нашей способности, повторяю, быть в определенном состоянии возбуждения и удерживать это возбуждение во времени. Не можем, рассеиваемся.

Миф, например, есть способ внесения и удержания во времени порядка того, что без этого способа, то есть без мифа, было бы хаосом. Таким образом, миф есть способ организации и конструирования человеческих сил или самого человека, или, иными словами, миф не есть представление о мире — правильное или неправильное (это мы сейчас так воспринимаем, потому что живем в рамках субъектно-объектного различия мира и мир предстает перед нами как предмет, который мы должны познавать; мы в нем чего-то не знаем, но само незнание чего-то в мире есть исторически возникший факт, а не естественный, само собой разумеющийся), а есть восполнение и созидание человека в таком бытии, в котором для человека нет природных оснований. То есть на место отсутствующих природных оснований становятся определенные машины культуры, называемые мифом. Ритуал есть способ введения чело-